

Научные форумы III Конгресс социологов тюркского мира «Глобализация и тюркский мир»

Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация?

Сагитова Лилия Варисовна —
кандидат исторических наук,
доцент, старший научный сотрудник
Института истории АН Республики Татарстан

e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Поволжский ислам в эпоху глобализации: традиция-реставрация или традиция-инновация?

Аннотация

Автор на примере села Средняя Елюзань Пензенской области изучает проблему сосуществования различных типов исламской традиции в рамках одного социума (кейс-стади, 2006-2010 гг.), выявляет факторы, влияющие на развитие местной исламской традиции и новой глобализированной формы ислама.

Abstract

The author focuses on the village of Srednyaya Elusan' of the Penza region to research the issue of coexistence of various types of Islamic tradition in one community (case study, 2006-2010). It brings out factors that influence the development of local Islamic traditions and new globalized form of Islam.

Ключевые слова: ислам, исламская глобализация, традиция, инновация

Keywords: Islam, Islamic globalization, tradition, innovation

Говорить о российском исламе как о некоей гомогенной и однозначной культуре представляется сегодня проблематичным в силу многих причин. Богатая и многообразная историческая традиция бытования ислама на территории России и противоречивость постсоветских трансформационных процессов, за последние 20 лет, создали и продолжают создавать в высшей степени своеобразную картину.

Сложность анализа этого феномена в России связана не только с сильной дифференциацией ислама в регионах России, что обусловлено своеобразием культурного, исторического и геополитического контекста регионов РФ. Сам по себе процесс «возвращения» ислама на постсоветское пространство неоднозначен и сложен. Поэтому в научной

литературе зачастую встречаются не совпадающие или противоречащие друг другу объяснительные модели. Для научной литературы конца 1980-х – начала 1990-х гг. характерно понятие «исламское возрождение», под которым подразумевался возврат к исторической традиции тюркских народов СССР после 70-ти лет атеизма. Однако уже к началу XXI в. стало ясно, что «вернувшийся ислам» часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – «исламская глобализация», – подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама. Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков. Средоточием споров стала традиционность в исламе, поскольку проводники обозначенных тенденций апеллировали к истине как мерилу легитимности своего направления. Для обращавшихся к региональной исторической традиции истина была в канонах предков. Исламские неофиты отсылали к арабской модели ислама, считая лишь ее одну истинной. Описанная коллизия вполне закономерна, поскольку культура в самых разных своих проявлениях обязательно содержит аспект традиции. Но ее существование и развитие немыслимо без инноваций. Драматургия взаимоотношений этих аспектов и обуславливает сложность анализа социокультурных процессов.

Наблюдение за возрождением «нового» старого ислама подводит к выводу, что мы имеем дело с динамичным и противоречивым явлением, не лишенным парадоксальности. Парадоксальность заключается в причудливом сплетении исторической инерции и новых глобализационных заимствований, которые не всегда идеологически сочетаются.

А. Б. Гофман предпринял плодотворный анализ понятий «традиция» и «инновация». По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Важной стороной анализа становится исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определенных социокультурных комплексах и ситуациях. Ученый выделил различные типы традиции: «традицию-инерцию» (воспроизводство привычного порядка вещей); «традицию-ностальгию» (воспоминания о прежних временах); «традицию-рестав-

Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков.

рацию» (стремление восстановить реальное или мифическое прошлое); «традицию-ритуал» (воспроизведение в символической форме тенденции и события прошлого); «традицию-константу» (культурный образ, сохраняющийся в определенном обществе в течении длительного времени); «традицию-оболочку» (содержит новое явление в старой оболочке) [1, с. 20]. Гофман выступает за дифференциацию этого понятия, выявление различных типов традиций, анализ этих типов в различных социокультурных комплексах и ситуациях [1, с. 21]. Его призыв исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями: инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации еще раз акцентирует невозможность сегодня говорить о традиции, как некоем первозданном, «истинном» феномене.

Плюрализация и гибридизация социального пространства в условиях глобализации свидетельствуют о том, что спектр мотиваций обращения к исламу значительно расширился. Сегодня религия может выступать как сугубо идеологическое явление; выполнять нормативно-этическую и моральную функции. И, наряду с этим, быть рыночным продуктом, приобретая функции «товара» в самых разных контекстах.

Особенно сильно это проявляется в ситуации сворачивания советской идеологии и расширяющегося сотрудничества со странами Запада и Востока. За двадцать лет мы имели возможность наблюдать, как ислам постепенно приобретал в ходе либерализации новые функции, все более отдаляясь от таких интерпретаций советского периода, как «опиум народа» или «архаика народных традиций».

Спектр апелляций к исламу в постсоветской России неизмеримо расширился. Ислам стал необходимым атрибутом возвращения к «исконным корням народа» или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Он явился важным аргументом во внутривнутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением. Ислам заполнил идеологический вакуум для многих тысяч обычных людей, ищущих опору и ориентиры в сложную эпоху перемен. В то же время ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики.

Ислам стал необходимым атрибутом возвращения к «исконным корням народа» или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Он явился важным аргументом во внутривнутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением.

Предпринятый нами разведывательный кейс-стади (в форме лонгитюдного исследования 2006, 2009, 2010 гг.) села Средняя Елюзань Пензенской области свидетельствует о сосуществовании различных типов традиции в рамках одного социума.

Целью осуществленного исследовательского проекта стало выявление факторов, влияющих на развитие местной исламской традиции и новой глобализированной формы ислама в условиях гомогенного в этноконфессиональном плане локуса. Для научного исследования кейс Средней Елюзани представляет интерес по нескольким причинам. Первая связана с социальными характеристиками объекта. Здесь сохраняется общинно-родственный стиль общения людей, в отличие от разобщенного и анонимного города. Это дает возможность исследовать коллизию в ее концентрированном выражении, поскольку степень согласованности мнений по поводу двух противоречивых тенденций будет наиболее высокой. Кроме того, фактор устойчивости и плотности социальных связей играет большую роль в возможности проследить характер и динамику развития названных тенденций. Третья причина связана с тем, что религиозная традиция в селе не прерывалась, даже в эпоху советского атеизма. Кроме того, ислам явился эффективной основой выживания сельчан в непростых условиях 1990-х гг. Названные обстоятельства дают возможность сравнить влияние «старого» и «нового» ислама на жизненные стратегии жителей села и выявить социальный эффект каждой из тенденций.

Методы исследования. Для проведения полевого исследования использовались качественные методы, сходные с этнографическим. Среди них: метод включенного наблюдения, глубинные полуструктурированные интервью; биографические интервью. Наряду с этим использовался количественный метод – сбор статистического материала в сельской администрации, в медресе и в мечетях. Качественный анализ позволяет представлять исследуемые факты и события в динамике, идентифицировать изменения с тем, чтобы объяснить причины и характер изменений изучаемого явления.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что советский период оказал значительное влияние на религиозную жизнь жителей села. География его расположения (внутри России) и ресурсная база советской идеологии (значительно более сильная внутри России, чем

на ее окраинах) существенно ослабили мусульманскую составляющую, совсем исключив ее влияние на светские институты и структуры. Мусульманские нормы, ценности и практики сохранялись и воспроизводились на уровне семьи. Наблюдалась возрастная дифференциация в духовных практиках: старшее поколение воспроизводило практики и в публичном (мечеть), и в приватном пространствах; дети и молодежь – исключительно в приватном, в рамках семьи и ближних родственников. Следование мусульманским нормам в условиях светских институтов провоцировало конфликты. Истории информантов свидетельствуют, что чаще всего они возникали, когда школьники держали уразу в школе.

История исследуемого села и нарративы его жителей позволяют сделать вывод, что в эволюции ислама здесь первостепенную роль сыграла семья, как в поколенческом воспроизводстве практик, так и в постсоветском «возрождении». Плюрализация социального пространства привела к тому, что возрождение ислама обрело две ипостаси: «традиционный», «старый» ислам и «новый». Каждое из направлений имеет своих носителей: первое – пожилых имамов, получивших образование в советское время в медресе Средней Азии, или самоучек. Второе – молодых имамов, получивших образование в российских медресе и в исламских университетах Египта, Саудовской Аравии, ОАЭ. Период с конца 1990-х до середины 2000-х гг. ознаменовался приходом молодых кадров в елюзанские мечети (их число увеличилось с одной до семи). Привнесение исламских норм и практик, полученных в зарубежных исламских университетах, вызвало конфликтную ситуацию: «старые» имамы не соглашались с новой интерпретацией ислама; «молодые» – оспаривали «старую» версию российского ислама, по их мнению, искаженную советской действительностью. «Молодых», получивших образование в признанных центрах ислама, можно в какой-то степени назвать неофитами. Пафос их «истинной» мусульманской идентификации основан не только на мнении о том, что в советское время ислам был сильно искажен, а его служители были подконтрольны власти. Беседы с молодыми имамами позволили увидеть социальные основания их приверженности «истинной вере». Опыт многолетнего наблюдения «другой» жизни в мусульманских странах заставил их оценить не в лучшую сторону постсоветскую повседневность, где присутствуют алкоголизм, наркомания,

В эволюции ислама здесь первостепенную роль сыграла семья, как в поколенческом воспроизводстве практик, так и в постсоветском «возрождении». Плюрализация социального пространства привела к тому, что возрождение ислама обрело две ипостаси: «традиционный», «старый» ислам и «новый».

проституция, коррупция и социальная незащищенность. Поскольку в негативе находится та часть жизни, что связана с моралью, нравственностью и духовными ценностями, то спасением видится следование нормам ислама. Но не того, привычного, традиционного для России ислама, который не дал пока ожидаемого эффекта, а «истинного» ислама с арабского Востока.

Их просвещенческая деятельность и те нормы ислама, к которым они призывают, воспринимаются сельчанами по-разному. Одна часть из них не воспринимает новой интерпретации норм; другая, наоборот, – воспринимает их с энтузиазмом. Примечательно, что большая часть информантов, принимающих «новый» ислам – молодежь и люди среднего возраста – социально активные сельчане. Другая часть сельчан придерживается «традиционного», привычного с советских времен ислама. Им не нравятся более строгие правила и ограничения, проповедуемые «молодыми». Наибольшие расхождения наблюдаются в похоронных обрядах, где раньше было принято отмечать поминки по усопшему (3, 5, 7 и 40 дней), или в свадебных обрядах, где исламские и народные традиции переплелись.

Примечательно, что в продвижении «нового» ислама фактор семьи играет первостепенную роль:

- часто в многодетных семьях осуществляется следующая модель профориентации детей: старшие получают «полезное для жизни» профессиональное образование (техники, агрономы, медики, юристы, строители и т. п.), а младших родители отправляют учиться в медресе или исламские институты (как сложилось, в исламские страны);
- сами родители под влиянием обучившихся за рубежом детей выбирают «новый» ислам.

Те сельчане, у кого нет молодых родственников-«проводников», чаще привержены «старому» традиционному исламу дедушек и бабушек.

Лонгитюдный режим исследования позволил проследить динамику сосуществования «старого» и «нового» ислама в селе. Оказалось, что происходит постепенное сближение конфликтовавших прежде сторон: «молодые» имамы обращаются к татарскому теологическому наследию¹

¹ Один из имамов, получивших образование в Египте, работает над диссертацией по наследию татарского богослова Ризы Фахретдина.

и отходят от ортодоксальной интерпретации исламских норм, а «старые» имамы осознают общность интересов и социальную миссию ислама.

Социально-экономический эффект постсоветского процветания села связан с тем, что именно традиции ислама, трудовая этика и семейственность послужили ресурсом для адаптации сельчан в эпоху катастрофической для российских сел постсоветской экономической трансформации. Здесь высока доля предпринимателей: на 2447 домохозяйств – 283 зарегистрированных предпринимателя (если учесть, что предпринимательство носит исключительно семейный характер, то занятых предпринимательством значительно больше). Демографические показатели сильно разнятся относительно общероссийских: рождаемость в два раза превышает смертность, а количество распавшихся браков в разные годы составляло от 2 до 5 в год.

Как показало исследование, разные типы традиций имеют свои социальные основания. Так, воспроизводство «традиции-инерции» обусловлено спецификой сельской жизни, характеризующейся консервативностью и слабой социально-профессиональной мобильностью, а также сложившейся структурой крестьянского труда. «Традиция-константа» воспроизводилась благодаря традиционализму семейного уклада на основе исламских ценностей, причем важную роль играл исламский институт – сохранившаяся сельская мечеть и когорта духовных служителей из сельчан. И, наконец, «традиция-оболочка» – постсоветское явление стимулируется, с одной стороны, исламской глобализацией, а с другой – особенностями социальной конъюнктуры и личностными качествами носителей инновации.

Библиографический список

1. Гофман А. Б. От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008.